

Ю. В. Кагарлицкий, А. Ф. Литвина

Союзные слова в придаточных определительных в переводе С. И. Писарева

(Из языковой полемики второй половины XVIII в.)

Настоящая работа возникла как попытка историко-лингвистического комментария к одному литературному полемическому выпадку, относящемуся к 1773 г. В том году вышел в свет отдельным изданием русский перевод нескольких ораторских произведений греческого епископа Ильи Миниата (Миняття) [Илья Миняттий 1773]. В книгу вошли всего лишь шесть текстов: две проповеди и четыре похвальные речи. Объединяло их то, что все они были составлены и произнесены оратором не по-гречески, а по-итальянски; издание представляло собой русский перевод идентичного по составу итальянского сборника¹. Переводчик, С. И. Писарев, посвятил свой перевод Семену Кирилловичу Нарышкину.

Появление этого сборника, возможно, связано с господствовавшими в русском обществе настроениями: 1770-е годы были периодом активного развертывания так называемого «греческого проекта» Екатерины II (культурный и политический контекст проекта подробно охарактеризован А. Л. Зориным [Зорин 1997]). Однако для Писарева всплеск грекофильских симпатий светской публики стал лишь поводом к тому, чтобы частью переиздать, а частью опубликовать заново в русском переводе слова и речи греческого проповедника, популяризацией которого в России он занимался уже более трех десятилетий.

¹ Ср.: *Due prediche sacre, e quattro orazioni, ritrovate sole delle molte già fatte anche in lingua italiana, dal fù monsignor Elia Mignati da Cefalonia, vescovo greco di Cernizza e di Calavrita in Morea: date in luce e consacrate al merito sublime dell' illustriss. et eccellentiss. sig. il sig. Federico Cornaro del q. Girolamo Kav' Proc' e capitan generale. In Venezia. M. DCCXVII. Appresso Antonio Bortoli. Con licenza de' Superiori.* (См. № 282 [Легран / Перно 1910 I: 83].)

Стефан (Степан) Иванович Писарев (1708—1775)², в 1733—1742 г. переводчик с греческого языка Коллегии иностранных дел, выполнил перевод проповедей греческого проповедника Ильи Миниата (1669—1714) не позднее 1741 г. Очевидно, оригиналом послужило одно из венецианских изданий этих проповедей³. Перевод, однако, издан не был и циркулировал в списках. В 1758 г. Писарев представил в Св. Синод тщательно выверенную рукопись и ходатайствовал о ее издании. После внесения в текст надлежащих исправлений «Поучения...» были напечатаны гражданской печатью в типографии Сухопутного шляхетного корпуса; в 1759 г. вышел первый том [Илья Минятей 1759 I], в 1760 г. — второй [Илья Минятей II 1760]. Через несколько лет, в 1765 г., в синодальной типографии в Санкт-Петербурге было предпринято переиздание [Илья Минятей 1765 I—II]. И наконец, в 1773 г. выходит отдельное издание итальянских слов и похвальных речей Ильи Миниата [Илья Минятей 1773].

В предисловии Писарев упоминает о предыдущих изданиях, подчеркивая их полезность для духовного просвещения в России, признанную и читающей публикой, и высокими церковными авторитетами. Однако при переиздании «Поучений...» в 1765 г. синодальный справщик внес в текст ряд исправлений, которые вызвали раздражение переводчика. Именно об этих исправлениях, а также реакции на них Писарева пойдет речь в настоящей работе.

Итак, с удовлетворением упомянув о предпринятом переиздании «Поучений...» и усмотрев в этом переиздании еще одно свидетельство признания ценности перевода со стороны церковных авторитетов, Писарев отмечает:

Въ семь второмъ Изданіи бывшій тогда въ Снодальной типографіи при наборѣ ея Справщикъ, самовольно ли по своему буйственному невѣжеству, или же и по чьему безсовѣстному нарочно наущенію (как видно въ вымышленную насмѣшку, ни малѣйше мнѣ пристойную, а только себѣ

² Годы жизни и биографические сведения приводятся здесь и в дальнейшем по С. И. Николаеву [Николаев 1999].

³ Ср.: *Διδαχαὶ εἰς τὴν ἁγίαν καὶ μεγάλην, τεσσαρακοστήν, καὶ εἰς ἄλλας ἐπισήμους ἑορτάς. μετὰ καὶ τινων πανηγυρικῶν λόγων, συντεθεισαὶ μὲν καὶ ἐκφωνηθεῖσαι ὑπο τοῦ ποτὲ θεοφιλεστάτου Κερνίκης καὶ Καλαβρίτων ἐν Πελοποννήσῳ ἐπισκόπου κυρίου Ἠλίου Μηνιάτη τοῦ Κεφαλληνιώως. Νεωστὶ δὲ μετὰ πλείστης ἐπιμελείας ἐκτυπωθεῖσαι καὶ διορθωθεῖσαι. Ἐλετίησιν, ἀψκζ παρὰ Ἀντωνίῳ τῷ Βόρτολι. Con licenza de' Superiori e privilegio 1727. In Venezia.* Писарев мог использовать это издание, указанное в [Легран / Перно 1910] под № 303, или второе издание, датированное 1738 и указанное там же под № 321 (см. [Легран / Перно 1910 I: 90, 97]).

во всегдашнюю укоризну служащую) вездѣ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ у меня въ первомъ изданіи напечатана частица *Мѣстоименія*, состоящая въ реченіяхъ: *Коя, Кою, Кои, Коихъ*, значащихъ *Которая, Которую, Которые, Которыхъ*; переправилъ на употребляемая токмо въ однихъ церковныхъ книгахъ, Славенскія, а въ сочиненіяхъ чистаго Россійскаго языка отноудъ непишемая слова, вставя вмѣсто ихъ сумозбрдно сіи: *Кая, Кую, Кіи, Кіихъ*; чѣмъ всякому благоразсудному Читателю даль о себѣ узнать, что онъ не мой чистой слогъ, но свой мутной глазъ такимъ гнуснымъ бѣльмомъ изуродоваль [Илья Минятей 1773: предисл. л. 1об.]⁴.

Интересно, что это довольно краткое метаязыковое высказывание Писарева фиксирует наше внимание сразу на нескольких явлениях, важных для истории русского литературного языка нового типа.

Во-первых, из приведенной цитаты легко сделать вывод, что предложения с придаточными определительными с союзным словом *который* заняли прочную позицию языковой нормы и воспринимаются как нейтральный и общеупотребительный элемент литературного текста. Это положение дел явилось результатом определенной языковой эволюции, о которой несколько слов будет сказано ниже.

Во-вторых, в языковой обиход прочно входят придаточные определительные с союзным словом *кой* (вместо *который*). Судьба придаточных с *кой* в русском литературном языке представляет своеобразную лингвистическую загадку: в середине XVIII столетия они внезапно становятся весьма распространенными и употребительными; между тем, уже к середине XIX в., не исчезая полностью, придаточные с *кой* вытесняются на периферию литературного языка, причем механизмы их популярности и забвения остаются неясными.

В истории предложений с придаточными определительными отразились, по-видимому, не только собственно языковые, но и важные социокультурные процессы. Прямые же высказывания об этих предложениях и используемых в них союзных средствах у авторов и переводчиков XVIII в. достаточно редки. Тем интереснее для нас полемика Писарева и обстоятельства, этот выпад спровоцировавшие.

Итак, полемика фактически вращается вокруг трех союзных слов: *который* (*которая, которое*); *кой* (*коя, кое*); *кій* (*кая, кое*)⁵. Союзное слово *который* является ключевым для истории русского син-

⁴ Предисловие в цитируемом издании имеет отдельную нумерацию листов.

⁵ Далее в обобщающих формулировках мы всюду говорим об употреблении местоимения *который*, имея в виду всю парадигму изменения по родам,

таксиса, поскольку именно становление нормативной структуры придаточных определительных с *который* и вытеснение последними старых придаточных с *иже* (*яже, еже*) служит одной из ярких примет перехода к литературному языку нового типа. Остановимся несколько подробнее на истории этого процесса.

В первой трети XVIII века появляется ряд текстов, авторы которых декларируют намерение писать на «простом русском» или «российском» языке (см. например [Успенский 1983: 91—94; Живов 1996: 98—110]⁶). В части этих текстов «простота» достигается путем правки, путем сознательного устранения маркированно книжных элементов (при редактировании или при исправлении черновика). Синтаксис текстов подвергается правке по весьма ограниченному числу рубрик, в частности, предложения с *иже* правятся на предложения с *который*.

В эту же эпоху появляется и ряд текстов, «простота» которых достигается не за счет правки: их авторы пишут непосредственно на том языке, который им представляется «простым» (или который они таковым объявляют)⁷. В этих текстах придаточные с *иже* практически отсутствуют; на их месте мы встречаем преимущественно при-

числам и падежам и игнорируя вариативность окончаний в им. ед. м. р.: *которой* — *который*.

Говоря об употреблении местоимения *кой* (*коя, кое*), с одной стороны, и *кий* (*кая, кое*) — с другой, мы попадаем еще в более сложное положение. В большинстве случаев мы будем иметь дело с отдельными формами тех и других местоимений. Между тем, в некоторых формах различие между двумя местоимениями нейтрализуется, а в некоторых — допустимы варианты. Поэтому мы будем говорить о *кой*-формах, когда речь идет о формах, образованных по парадигме склонения местоимения *кой* (*коя, кое*) «по Ломоносову», то есть как у местоимения *мой* (*моя, мое*) (с ударением на первом слоге; ср. [Ломоносов 1755: 173]). Аналогичным образом, мы будем говорить о *кий*-формах, когда речь идет о формах, образованных по церковнославянской парадигме от местоимения *кий* (*кая, кое*), как: *кий, кийм, кая, кую, кии, кия, кийхъ, киймъ, кийми*. При этом мы не будем считать *кий*-формами формы *коя* и *коею*, считая их в равной степени и *кой*-формами. Форма *коей* для род. и твор. рассматривается как *кой*-форма, для дат. и предл. — как нейтральная. О соотношении парадигм *кий*-форм и *кой*-форм см. ниже.

⁶ К числу подобных текстов могут быть отнесены: «География генеральная» Бернарда Варения (пер. Ф. Поликарпов, 1718), «Первое учение отроком» (1721) Феофана Прокоповича, «Последование об исповедании» (1723) Гавриила Бужинского, «Библиотека» Аполлодора (пер. А. К. Барсов, 1725).

⁷ Среди первых таких текстов должны быть названы: «Таблица Кевика Философа» («Картина» Кебета Фиванского, пер. с фр. А. Д. Кантемир, 1729); «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля (пер. А. Д. Кантемир, 1730); «Езда в остров любви» Поля Тальмана (пер. В. К. Третьяковский,

даточные с *который*, причем организация последних мало отличается от той, которую мы знаем по современному русскому языку ([Хютль-Фольтер 1996]; ср.: [Зализняк, Падучева 1979]). Можно сказать, что нормализация предложений с *который* происходит на достаточно раннем этапе формирования русского литературного языка нового типа. Более того, в первой трети XVIII века эта конструкция могла уверенно употребляться как элемент метаязыка — для объяснения других, более «книжных», и по-видимому, более сложных для восприятия. Показательно ее использование в подобной функции Федором Поликарповым в «Технологии...» (1725 г.); объясняя, что придаточные с *иже* необязательно подразумевают наличие опорного слова в главной части, Поликарпов показывает это на примере:

**Возносите́льное мо́жетъ ли положи́тися безъ предидѣщагѡ;
Мо́жетъ, ѡкъ: сѣ гла, ѡже подобаетъ ѡ не ѡслышиши, ѡхъ же не подобаетъ. ѡже прѡстѣ ѡпотребляемъ сице: вѣщи ѡн дѣла, котѡрыя тебѣ надѡбно говори́тъ, говори, ѡ не ѡслышишь тебѣхъ вѣщѣй ѡн дѣла, котѡрыя тебѣ не надѡбно** [Поликарпов / Бабаева 2000: 275].

Трудное для понимания предложение с *иже* поясняется с помощью предложения с *который*⁸. Важно, что пересчет из книжных форм в не книжные ведется не для местоимений как таковых, а для синтаксических конструкций в целом⁹. В связи с этим следует подчеркнуть, что описываемая реорганизация не сводилась к замене союзных слов, а представляла собой именно перестройку синтаксиса в целом. Именно в этот период русский гипотаксис приобрел очертания, близкие к современным.

1730); «Предлог... Господ учителей Сорбонских...» и ответ на него российских архиереев (пер. с фр. А. А. Вешняков, 1729). О переводах Кантемира см. [Сорокин 1982]; [Хютль-Фольтер 1996]. О переводе Тредиаковского см. [Сорокин 1976; Успенский 1976]. О переводе Вешнякова и его языке подробно см. [Литвина 1999].

⁸ Пример пересчета из конструкции с *иже* в конструкцию с *который* приводится у Б. А. Успенского [Успенский 1988: 405]. Аналогичные примеры обнаруживаются и в грамматике Федора Максимова [Максимов 1723: 98].

⁹ Весьма характерны словарные толкования к церковнославянским местоимениям, которые даются в «Лексиконе трехязычном...» (1704 г.) того же Федора Поликарпова. Так, на *ѡже* приводится толкование: **котѡрый, ѣдинственнагѡ числа...** — а на *ѡже* толкование: **котѡрые, множественнагѡ...** [Поликарпов 1704]. Таким образом, дается не систематическое толкование различных форм, а пояснение к конкретным конструкциям, которые могут встречаться в тексте.

К началу 40-х гг. XVIII в. придаточные определительные с *который* стали привычным и нормализованным элементом литературного языка. Их появление возможно в любом тексте, независимо от установки пишущего и от типа текста. Маркированными становятся придаточные с *иже*. Они относительно часто встречаются лишь в жанрах, ориентированных на Св. Писание, например в проповеднической литературе [Живов 1996: 383]. Естественно, что в приведенном нами полемическом выпаде Писарева (1773) местоимение *который* рассматривается как не вызывающее никаких сомнений и используется для пояснения значения другого местоимения.

Обратимся к рассматриваемым писаревским переводам 1759—1760 гг. Старые придаточные с *иже* (*яже, еже*) здесь не употребляются (разумеется, за вычетом цитат из Св. Писания и святоотеческой литературы)¹⁰. Хочется заметить, что к этому периоду, по всей видимости, новые придаточные определительные с *который* становятся базой для сложившегося в основном синтаксиса придаточных определительных. В данном случае мы имеем в виду не только смену служебных средств, но и перестройку синтаксиса в целом (об этом см. [Хютль-Фольтер 1996]). Придаточные определительные с *который*, как правило, преобладают; однако наряду с ними появляются придаточные с другими союзными словами: *какой, что, где, каков(ой)* и пр. Остановимся на предложениях с местоимением *кой*

¹⁰ Это замечание представляется важным, поскольку писаревский перевод вписывался в контекст духовной литературы, а в ее языке еще в 1740-х гг. сохраняет свои позиции гибридный церковнославянский, и, в частности, конструкции с *иже* (*яже, еже*) являются вполне употребительными (ср. [Живов 1996: 383]). Встречаются они в проповедях и позднее. Так, В. В. Замкова приводит пример, относящийся к 1767 г.: «Кто мне даст серебрянны трубы оны, еже сочинив великий во пророцех Моисей боговидец, возгремел в полках иудейских» («Речь приветственная на пришествие в Казань... Екатерины Алексеевны...» архиепископа Казанского Вениамина [Замкова 1975: 140]).

Особый интерес могло бы представить изучение эволюции языка писаревского перевода от рукописи 1741 г. к изданию 1759—60 гг. Этот интерес усугубляется замечанием Писарева о внесенных в печатный текст исправлениях (ср. [Илья Минятей 1759 I: предисл.]). Надеемся предпринять подобное исследование в недалеком будущем; однако настоящая работа целиком основывается на печатных изданиях. О языке переводов, выполненных Писаревым в 40-х гг. XVIII в., можно отчасти судить по опубликованному в работе В. В. Буша [Буш 1915] предисловию и посвящению к «Житию Петра Великого...» (рукопись датируется 1743 г.). В этих текстах на довольно большое число конструкций с *который* приходится одна конструкция с *еже*. Однако это, разумеется, не дает нам достаточных оснований, чтобы судить о языке рукописи перевода «Поучений...» Ильи Миниата.

(*коя, кое*) в позиции союзного слова, поскольку у Писарева речь идет именно о нем.

Синтаксически *кой* используется в той же позиции, что и *который*; более того, сам Писарев рассматривал его как эквивалент для *который*:

частица *Мѣстоименія*, состоящая въ реченіяхъ: *Коя, Кою, Кои, Коихъ*, значащихъ *Которая, Которую, Которые, Которыхъ...*

Придаточные определительные с *кой*-формами в позиции союзного слова (*кой*-конструкции) отмечаются уже в древнерусской письменности [Стеценко 1958: 194—196]. Присутствуют они и в памятниках XVIII века, причем особенно активно входят в языковой обиход во второй половине столетия; в первой половине они сравнительно редки.

В самом деле, Г. Хютль-Фольтер, досконально исследовав синтаксис трех значительных памятников переводной литературы 20-х—30-х годов XVIII в. («Разсуждения об оказательствах к миру...», «Разговоров о множестве миров...» Б. Фонтенеля в переводе А. Д. Кантемира и «Военного состояния Оттоманския империи» Л.-Ф. Марсильи в переводе В. К. Тредиаковского), отмечает *кой*-конструкции только в «Разговорах...», причем в незначительном количестве (всего 8; для сравнения: придаточных с *который* в этом тексте насчитывается 651). В двух других памятниках *кой*-конструкций нет вовсе [Хютль-Фольтер 1996: 56, 69—71]. Достаточно редкая их встречаемость отмечается М. Н. Вьюковой [Вьюкова 1958: 160].

С середины столетия *кой*-конструкции распространяются гораздо более широко (Вьюкова, по различным материалам XVIII века в целом, на 6770 конструкций с *который* насчитывает 980 *кой*-конструкций — в основном в текстах второй половины века [Вьюкова 1958: 159]). В «Российской грамматике» М. В. Ломоносов вводит местоимение *кой* наряду с *который* — и как вопросительное, и как «возносительное» (относительное) местоимение [Ломоносов 1755: 169]. Аналогичную ситуацию обнаруживаем в «Российской грамматике» А. А. Барсова 1783—1788 гг. [Барсов/Успенский 1981: 526].

С точки зрения синтаксической функции *кой*-конструкции и конструкции с *который* были, по-видимому, эквивалентны [Вьюкова 1958; Поспелов 1964: 23]; на это указывает и приведенное выше замечание Писарева.

Интересен статус *кой*-конструкций: они далеко не равномерно используются разными авторами — даже авторами с близкой культурной ориентацией, в близких по жанру текстах (ср. [Вьюкова 1958: 160]). В то же время нам неизвестны примеры полемики или хотя

бы просто факты языковой рефлексии, в которых *кой*-конструкции третировались бы как недопустимые. Это позволяет нам относить употребление или неупотребление *кой*-конструкций к области индивидуального стилистического варьирования. Надо сказать, что в рассматриваемом нами переводе Писарева встречаемость *кой*-конструкций весьма высока — примерно в полтора раза выше, чем конструкций с *который*.

Причины распространения *кой*-конструкций нуждаются в дополнительном изучении; нам представляется, что рост встречаемости этих конструкций связан с возрастающим влиянием сформировавшегося к этому времени особого языка деловой переписки; так, *кой*-конструкции не характерны для писем русских аристократов как более раннего периода, так и 1760-х—1770-х гг. (ср. многочисленные примеры: [ПМДП XVIII: 13—91]); в то же время они нередки в письмах Екатерины II, вероятно, осваивавшей русский язык именно по официальным документам (ср. например: [Екатерина—Потемкин 1997])¹¹. По-видимому, начиная с середины XVIII в., *кой*-конструкции входят в моду. Употребление или неупотребление этих конструкций остается делом вкуса, и в некоторой степени, культурной ориентации каждого автора. В то же время тенденциозным читателем их употребление, вероятно, может рассматриваться как подлинный или мнимый социолингвистический показатель.

Как можно понять из приведенного нами полемиического выпада Писарева, синодальному справщику *кой*-конструкции показались неуместными и он в значительной части случаев заменил *кой*-формы другими местоимениями. Чтобы восстановить логику, которой руководствовался справщик, необходимо предварительно проанализировать стратегию его правки в целом. Для этого была предпринята выборочная сверка текста обоих изданий¹².

Справщик внес не слишком значительные изменения в писаревский текст. К наиболее регулярным следует отнести изменения на

¹¹ Вообще же, распространение *кой*-конструкций в русском литературном языке XVIII века представляет собой особую, не решенную до конца проблему. Предлагавшиеся до сих пор решения требуют, как минимум, существенного уточнения; ср. объяснение Вьюковой, выдвинутой в *кой*-конструкциях черту влияния «канцелярского стиля» [Вьюкова 1958: 159—160].

¹² Сверка проведена нами для первых ста страниц первого тома. Нумерация этих страниц в двух изданиях ([Илья Минятий 1759 I] и [Илья Минятий 1765 I]) практически совпадает. В дальнейшем параллельные места из первого и второго издания цитируются следующим образом: слова с различиями приводятся через косую черту; указывается номер страницы (единый для обоих изданий).

уровне графики и орфографии. Во втором издании отсутствуют в большинстве случаев ударения, которые проставлены в первом. Последовательно выдерживается написание буквы *s*: зѣло / сѣло 2; Змѣя / Смѣя 34 и пр. Изменено в отдельных случаях написание строчных/прописных букв: Разума / разума 2; Страсть / страсть Хрїстова 7; о будущемъ Судѣ / судѣ 51; и пр. Предпринята орфографическая правка отдельных лексем и морфем: лутче / лучше 45; лехко / легко 72; ись / изъ 83; сдѣлали / здѣлали 68; сдѣлать / здѣлать 70 и пр.

На лексическом уровне исправления единичны; например: куды / куда 70. Ср. впрочем на следующей странице: куды / куды 70.

На морфологическом уровне иногда, довольно редко, правятся флексии прилагательных: день субботней / субботній 36; нѣкоторой / нѣкоторый мудрецъ 45; Нѣкоторой / Нѣкоторый слѣпецъ 46, — а также местоименные флексии: ево / его 57. Ср. многочисленные случаи, когда флексии им. ед. м. р. оставлены без правки: прежестокой 22; мертвой 27; порицаемой 29; завистливой 45; прелюбодѣйной, и грѣшной 50; всякой 57; уподобляемой 58 и т. д.

Отметим довольно последовательную правку флексий им. ед. м. р. местоимения *который*; ср. однако: Камень претыканія, о которой / который многія споткнулися 18; и т. д.

Таким образом, даже предварительный, беглый анализ заставляет нас сделать предположение, что у справщика не было изначальной установки на какую-то целенаправленную нормализацию текста, однако время от времени он вносил исправления в соответствии со своими представлениями о языковой норме¹³.

Весьма характерно, что его правка более последовательна, когда дело касается регулярно повторяющихся местоимений; вероятно, эти местоимения были своего рода опорными точками для читательского внимания. Здесь мы бы хотели вчерне сформулировать важную для нас мысль: синтаксические показатели, в том числе используемые при построении сложных предложений союзные слова, в силу очевидных причин являются очень яркими характеристиками речевой практики, легко опознаваемыми и читателями, и слушателями.

Перейдем теперь к анализу конкретных случаев правки *кой*-форм. Писарев, напомним, упрекал справщика в том, что эти формы были переправлены на их *кѣй*-корреляты. На самом же деле, как

¹³ Следует подчеркнуть, что мы не ставили своей задачей сколько-нибудь подробный анализ всех исправлений, сделанных справщиком во втором издании. Отметим лишь, что они не слишком многочисленны.

следует из нашего анализа, встречая в тексте *кой*-форму, справщик поступал по-разному. Мы выделяем следующие варианты:

1. *Кой*-форма правилась на ту или иную форму местоимения *который*.

Эта правка встречается в начале первого тома, в тексте первых двух слов; например: окончавши Поученіе одною баснею, *коя* / которая кажется приличина / прилична къ дѣлу 27; что-то за причина, *коя* / которая побуждает Книжниковъ съ такую страстию говорить... 29; увидѣль Иисусъ идущую къ нему жену, *коя* / которая мучилась жестоко отъ духа недужна 36; слава, кою / которую получалъ Давидъ 37; Видить (де) онъ того Лазаря, коего / котораго видѣль прежде убога, и нища 38.

подавляющее большинство случаев правки *кой*-форм в этой части текста относится к исправлениям форм *коя* и *кою*. По-видимому, эти *кой*-формы были наименее приемлемыми для справщика. Мы полагаем, что это неприятие не случайно.

Действительно, с точки зрения старой книжной культуры, *кой*-формы воспринимались как не книжные корреляты к *кѣй*-формам. При этом кодификаторы церковнославянского языка в начале XVIII в. не считают границу между *кѣй*-формами и *кой*-формами непроницаемой. Так, Федор Поликарпов вводит в подготавливаемую им к печати грамматику Мелетия Смотрицкого местоимение *кой* на правах «упрощенного» коррелята к *кѣй*: *кѣй, ѿнѣ кой* [прѣстѣв.] ([Смотрицкий 1721: 102]; ср.: [Поликарпов/Бабаева 2000: 106–107]). В этом издании приведена и полная парадигма склонения местоимений *кѣй, кая, кое*, причем для большинства форм указаны их *кой*-корреляты. Возможно, пометку *прѣстѣв* напротив формы *кѣй* следует отнести и к другим *кой*-коррелятам.

Характерно, что *кой*-корреляты приведены для большинства форм м. р. и ср. р.¹⁴; в то же время эти корреляты не приведены для форм *каа* (им. ед. ж. р.) и *кѣю* (вин. ед. ж. р.).

При кодификации языка нового типа формы *коя* и *кою* как будто утверждаются в правах. Так, в «Российской грамматике» Ломоносов не упоминает ни одной *кѣй*-формы, а по поводу склонения местоимения *кой* замечает:

¹⁴ Отсутствуют корреляты у вин. мн. м. р. *кѣа*; для им. мн. с. р. даны варианты *каа* и *коа*; для вин. мн. с. р. — варианты *каа* и *кѣа* [Смотрицкий 1721: 102об.]. Формы двойственного числа мы здесь не рассматриваем. Необходимо заметить, что для многих *кѣй*-форм указываются (и встречаются в текстах) не только *кой*-корреляты, но и другие «упрощенные» варианты: *кѣимъ—кѣимъ—кѣимъ*.

Кой склоняется как *мой*, кроме того, что ударение всегда на первом слогу остается [Ломоносов 1755: 173].

Он же прямо упоминает в качестве нормативной форму *коя*, говоря об изменении местоимений по родам (ср. о склонении *кой* в «Российской грамматике» А. А. Барсова [Барсов/Успенский 1981: 526]).

Однако в САР (том III, 1792 г.) мы не встречаем форму *коя*:

КІЙ, кая, кое. Сл. Въ обыкновенномъ же языка употребленіи, *кой, кая, кое*. мѣстоим. <...>

КОЙ, кая, кое. мѣст., сокращенное из *который*. См. КІЙ [САР¹ III: 550, 694]¹⁵.

Все сказанное позволяет предположить: синодальный справщик, для которого в известной мере сохраняли силу требования старой книжной культуры, но который не мог не учитывать и узуальной практики нового литературного языка, ополчался, прежде всего, на наиболее проблемные (с любой точки зрения) формы *коя* и *кою*¹⁶. Эти формы поначалу заменялись на нейтрально-нормативные формы *который* (ср. в САР трактовку местоимения *кой* как «сокращенного из *который*»).

Отмечены, впрочем, и единичные случаи исправления других *кой*-форм, причем даже тех форм, которые сами по себе являются нормативными и в старом книжном языке, и в языке нового типа; ср. приведенную выше правку *коего* / *котораго*. Это позволяет думать, что справщик был недоволен не только неправильными формами, но и массовым использованием *кой*-конструкций как таковым. Впрочем, этот мотив явно был для него второстепенным.

2. *Кой*-форма правилась на ее *кйй*-коррелят.

В остальной части текста (и судя по выборочной сверке, до конца) *кой*-формы правятся на *кйй*-корреляты (эти исправления и возмущили Писарева). Хотя правка и непоследовательна, ее примеры достаточно многочисленны: ради Церкви, *кою* / *кую* мы имѣемъ, и

¹⁵ Во втором издании САР (III, 1814) в этих двух статьях имеется знаменательное противоречие: в первой указана как нормативная «в обыкновенном употреблении» форма *коя*, во второй — форма *кая* [САР² III: 140 и 220].

¹⁶ Говоря о проблемности этих форм, интересно заметить, что они не отмечены в Словаре языка Пушкина, в отличие от форм *кой, кое, коего, коей, коему, коей, коим, кою, кои, коих, коим, коими* [СЯП II: 364–365]. В позднейшем литературном языке в качестве союзных слов вообще использовались преимущественно *кой*-формы мн. ч. [Шахматов 1941: 498].

коя / кая мѣстомъ есть согласїа, и единенїа 47; дабы ни видѣтъ имь, ни слышать такой страшной вещи, кою / кую нынѣ и видятъ и слышатъ 50; восточныя Ворота, кои / кїа были мѣдныя 52; ...а кои / кїи останутся послѣ голоду, тѣ истребятся моромъ 53; громы аки гласъ трубный, отъ коихъ / кїихъ гóры и холми тряслися 55; Исчисли ненависть, какову Онъ имѣтъ ко грѣху, и коя / кая Его увѣщала въ жертву предать такого любезнаго Сына 65; ...случаются нѣкоторыя дѣла / дѣла, кои / кїа либо вовсе скрыты, либо хотя и явны, да полно мы не знаемъ кто ихъ сдѣлалъ / здѣлалъ¹⁷ 67; ...отчаявся Небесныя Славы, коей / кую всегда желать имѣть всуе¹⁸ 76; Отъ сего-то раждается совершенная страсть, коя / кая истинною есть Муюкоу 77; и пр.

Неизвестно, почему изменился характер правки: выполнена оставшаяся часть работы другим справщиком, или же прежний справщик избрал другой способ правки. Мы склоняемся к последнему: характер остальной правки как будто не дает оснований для вывода о смене справщика (хотя в наших дальнейших рассуждениях это не играет принципиальной роли). Кажется вполне вероятным, что, исправляя формы *коя* и *кою*, справщик пришел к мысли о замене «неправильных» *кой*-форм на более «правильные» *кїй*-корреляты¹⁹.

В соответствии со сказанным, именно формы *коя* и *кою* наиболее последовательно заменяются на их корреляты *кая* и *кою*. Чуть менее последовательна правка *кои* / *кїи* (для ср. р. есть случаи: *кои* /

¹⁷ В данном примере более «правильной» была бы форма *кая*.

¹⁸ В данном примере исправлен падеж (с род. на вин.), причем в итоге использована *кїй*-форма.

¹⁹ Здесь естественно видеть влияние старой книжной культуры; с точки зрения последней, *кїй*-формы в целом правильнее, чем *кой*-формы. При этом надо заметить, что в качестве союзных слов в придаточных определительных *кїй*-формы не были употребительны; во всяком случае, никаких образцов «*кїй*-конструкций», на которые мог бы ориентироваться справщик, не существовало. Местоимение *кїй* использовалось для выражения вопроса, восклицания, неопределенности (ср. приведенный в Словаре русского языка XI—XVII вв. пример: «Аще ли кїй отъ васъ хошетъ, да сичевыя тяжкия душевныя и тѣлесныя бѣды избѣгнет» 1685 цит. [СРЯ XI—XVII 7: 122]). Именно в этом контексте *кїй*-формы соотносились с менее книжными *кой*-формами.

В новом литературном языке *кїй*-формы к середине XVIII в. оттесняются на периферию, однако встречаются в качестве элементов поэтического языка, где используются для выражения вопроса или восклицания; ср. в трагедии А. А. Ржевского «Подложный Смердий» (1769 г.): «И кая люта скорбь тебе чинит мученье?» [Ржевский 1991: 215]; ср. трактуемые В. В. Замковой как стилистические славянизмы примеры из од В. П. Петрова (1792 г.): «Но кия красоты блистают // С великолепных колесниц... Но ах! кїй вопль, коль тяжки муки... Кїй звук я слышу издадече?» цит. [Замкова 1975: 54].

кїя); гораздо менее — правка *коихъ / кїихъ*. Правка *кой*-форм на формы местоимения *который* в этой части текста не отмечена.

3. *Кой*-форма оставлялась справщиком без изменений.

«Правильные» *кой*-формы, т. е. формы, для которых не существует противопоставления между *кой* и *кїй*, почти никогда не заменяются справщиком (за исключением единичных случаев правки на *который*). К таким формам относятся: *кое, коемъ, коему, коєю, коего*. Примеры употребления этих форм достаточно многочисленны и здесь не приводятся. То, что эти формы не устраняются, говорит о том, что справщик в целом благосклонно относится к употреблению *кой*-конструкций.

Довольно часто оставляются без изменений и «неправильные» формы; например: ...такъ тѣмъ, кои Ему поклоняются; какъ и онымъ, кои Его не знаютъ 8—9; Пропадутъ ли тѣ, коихъ опредѣлили Богъ спасти / спасти 22; Ядовитая Вдра... коя будто бы изо всѣхъ своихъ седми головъ, испускала смертоносный ядь 34; великая пропасть, коя препятствуетъ переходенію 39; Коих не умертвила война / война, тѣ помрутъ с голоду 53; на неблагодарныхъ братьевъ, кои старалися о смерти его, кои ево / его продали 57; всѣ грѣхи, о коихъ всякой человѣкъ имѣеть дать въ день Суда, краткій отчетъ Богу 66; въ таковыхъ же злыхъ / слыхъ дѣлахъ, коимъ ты былъ причиною что сдѣлали / здѣлали ихъ другіе 68; Рана, кою производить сіе кошѣ 79; и пр. Реже всего оставляются без правки формы *кая* и *кою*, хотя и такие случаи имеются.

Итак, основываясь на анализе правки, можно сделать следующие выводы.

Справщик считает вполне приемлемыми предложения с придаточными определительными с союзным словом *кой*. Однако некоторые конкретные *кой*-формы вызывают у него возражение и он заменяет их — сначала на *который*, затем на *кїй*-формы. Кстати сказать, эти последние замены, вызвавшие гнев Писарева, являлись свидетельством желанія сохранить *кой*-конструкции в относительной неприкосновенности.

Собственно говоря, правка *кой*-форм на *кїй*-формы сопоставима с последовательной правкой флексий *-ой / -ый* в им. ед. м. р. местоимения *который* (при непоследовательной правке флексий прилагательных вообще). Видимо, справщик, не имея в виду никакой целостной программы, лишь заменял формы, которые он считал явно ошибочными и которые бросались ему в глаза. Поэтому, в частности, именно правка союзных слов — опорных точек в восприятии фразы является наиболее последовательной.

Теперь постараемся понять, почему правка вызвала столь яростную реакцию Писарева. Вообще говоря, в этом нет ничего странного: литературные деятели XVIII в. были весьма чувствительны к любым сомнениям в правильности их языка. Однако данный случай, на наш взгляд, нуждается в дополнительном комментарии, который должен включать в себя историю издания писаревского перевода и попытку реконструкции культурных установок переводчика и его лингвистических ориентиров.

Как уже указывалось, перевод проповедей Ильи Миниата был подготовлен Писаревым еще на рубеже 30-х—40-х годов XVIII в. Переводчик трижды подчеркивает это обстоятельство: во-первых, на титульном листе значится не только год издания, но и год выполнения перевода — 1741. Во-вторых, он предпосылает первому тому посвящение императрице Елизавете Петровне, датированное 16 декабря 1741 г.²⁰ В-третьих, он сообщает об этом в предисловии:

Каждой Читатель, при прочтѣніи заглавнаго листа можетъ примѣтить, что сія Книга мною переведена еще въ 1741мъ году; съ котораго времени по нынѣ многіе, да и у многихъ находятся переписанные съ оной Экземпляры [Илья Минятей 1759 I: предисл., л. 2].

Таким образом, переводчик постоянно и даже несколько назойливо подчеркивает, что его труд ожидал своего издания почти два десятилетия. Это свидетельствует о том, что он рассматривал задержку с изданием как козни «недоброхотов». Нам известно, что намерение Писарева в 1758 г. издать свой перевод действительно встретило сопротивление: текст прошел тщательную цензуру, в него были внесены исправления; три проповеди не были разрешены,

²⁰ Напоминаем, что эта дата отстоит всего на три недели от елизаветинского дворцового переворота 25 ноября 1741 г. и всего двумя днями предшествует дню рождения Елизаветы (18 декабря) — первому дню рождения, который дочь Петра праздновала как императрица. В посвящении Писарев дает понять, что перевод был готов и раньше, но попал в руки тех, кому

Благочестіе, и Православно-восточной Церкви Вѣра весьма противна, и немилѣ; такъ и самый тотъ Діалект, на которомъ оная все основание (не упоминая уже о прочихъ всѣхъ высокихъ наукахъ отъ него произшедшихъ) и силу свою имѣеть, ненавидимъ, и презираемъ быть: чего ради и самой сей трудъ мой во тѣмъ до сихъ поръ погребенъ, и имя его заглаждено быть хотѣло [Илья Минятей 1759 I: посвящ., л. 2].

Очевидно, грядущее издание перевода Писарев стремится увязать с торжеством православия в Елизаветинскую эпоху и тем самым преодолеть сопротивление своих недоброжелателей.

поскольку в них имелись «некоторые с мнением св. православной греко-российской церкви несогласныя изображения»²¹ [Барсов 1901: 986—987].

Как видно из изложенного, издание «Поучений...» в 1759—1760 гг. встречало сопротивление, которое не могло не восприниматься Писаревым болезненно²². Переводчик (а к моменту издания — уже секретарь) Коллегии иностранных дел, он довольно много, и по собственной инициативе, занимался переводами именно духовной литературы. Сделаем попытку более подробно охарактеризовать тот культурный тип, к которому, как нам представляется, принадлежал или стремился принадлежать Писарев.

В 20-е—30-е гг. XVIII в. в среде русских дипломатов сложился, по выражению Б. А. Успенского и А. Б. Шишкина, «особый и очень тесный круг». Исследователи относят к нему А. Д. Кантемира, А. А. Вешнякова, А. Б. Куракина, А. Г. Головкина, С. Д. Голицына, С. К. Нарышкина, А. И. Неплюева, И. А. Щербатова [Успенский, Шишкин 1990: 141]. Все принадлежавшие к этому кругу, помимо чисто человеческой близости, были объединены живым интересом к европейской культурной жизни и прекрасным знанием ее реалий.

При этом ориентация на западную культуру не только не делает этих людей равнодушными к своей конфессиональной идентичности, но наоборот, заставляет напряженно осмысливать ее, искать точки соприкосновения с иными конфессиями, в первую очередь с католицизмом. Иные из них переходили в католичество, как, вероятно, А. А. Вешняков [Успенский, Шишкин 1990: 138]; другие, как А. Д. Кантемир, будучи вполне терпимы к католицизму, в то же время демонстрировали верность православию в самой решительной форме [Успенский, Шишкин 1990: 207—208]. Однако и те, и другие

²¹ Писарев немедленно представил в Синод три другие слова на те же праздники: Рождество Христово, Введение во храм и Успение Пресвятой Богородицы. Синод вновь отказал ему в достаточно решительной форме [Барсов 1901: 987].

²² Писареву вообще приходилось нелегко с публикацией его переводческих трудов. Некоторые из них лежали под спудом в течение долгих лет, а то и десятилетий («Житие Петра Великого...» Антонио Катифоро, пер. 1743, публ. 1772; его же «Священная история Нового и Ветхого Завета», пер. 1751, опубл. 1763; «Изъяснения начала и причины схизмы, или раскола, западной церкви с восточной» Ильи Минягия, пер. 1744, сокр. публ. 1783). Иногда его перевод оставался в рукописи, а спустя много лет сочинение публиковалось в переводе другого. Все это, естественно, раздражало переводчика, заставляло его публично оправдываться и ссылаться на происки «недоброхотов» (о переводческой деятельности Писарева см. [Николаев 1999], об истории некоторых переводов см. [Барсов 1901; Буш 1915]).

живо интересовались религиозной проблематикой, причем их религиозность была не вполне традиционной, предполагала глубокую рефлексию по поводу своего поведения, интерес к межконфессиональной проблематике. Иными словами, это была новая религиозность европейски образованных и открытых людей²³.

Разумеется, Писарев не принадлежал к дипломатической элите. Однако участие (канцеляристом, недоучившимся студентом Славяно-греко-латинской академии) в посольстве графа С. Л. Владиславича-Рагузинского в Китай (1725—1728 гг.), а затем служба в Коллегии иностранных дел (начиная с 1731 г.) сближала его с дипломатами, возможно, сводила его со многими из них лично, погружала в контекст их бесед. Напомним, что книга [Илья Минятий 1773] посвящена одному из людей этого круга — С. К. Нарышкину (1710—1775). В пространном посвящении Писарев жалуется на старческое одиночество и называет себя «обязанником» адресата. Однако есть в посвящении и намек на многочисленные беседы с Нарышкиным:

А какъ на послѣдокъ пришла мнѣ въ мысль Ваша, видимая мною всегда, горячая къ любоученію ревность, да и вообразилось слышимое толь часто отъ Васъ напоминаніе о Греческомъ древнемъ родѣ, съ приписываніемъ за его перьвоначальныя, вообще всѣхъ наукъ и художествъ, изобрѣтенія достойной ему похвалы; то во уваженіе того, и во знакъ моей благодарности, разсудилъ я за благопристойно приписать Вашему Высокопревосходительству сію переведенную мною книжку толь любимаго, и много хвалимаго Вами сладчайшаго Проповѣдника, Минятія... [Илья Минятий 1773: посвящ., л. Зоб.—4].

Едва ли столь короткое знакомство с богатым аристократом возникло у Писарева в одинокой старости. Скорее можно предположить, что Писарев и Нарышкин могли сталкиваться в прежние времена, скорее всего, в 30-е гг., когда молодой дворянин, приятель А. Д. Кантемира, мог покровительствовать небогатому и незнатному сверстнику и вступать с ним в беседы о расцвете и упадке древней Эллады. Так или иначе, Писарев, скорее всего, был знаком со многими представителями этого круга (к 1773 г. практически никого

²³ В связи с этим интересно замечание А. С. Лаврова: «Учившийся или подолгу живший за границей, говоривший и писавший по-французски или по-итальянски не хуже, чем на родном языке, дворянин петровского времени не мог не столкнуться с проблемой собственной идентичности... Именно поэтому „крайние“ формы вестернизации и соседствуют с показным, подчеркнуто традиционным, „дедовским“ благочестием» [Лавров 2000: 273].

из них в живых уже не осталось), и культурные ориентиры этих людей должны были оказать на него в молодые годы существенное влияние.

Нам неизвестно, кто впервые познакомил Писарева с творениями Ильи Миниата²⁴, который был довольно широко известен и в Венеции, и в Греции, и вообще в странах Юго-Восточной Европы. В разные годы знаменитый греческий духовный писатель и проповедник служил воспитателем племянников Антонио Молина, губернатора Ионических островов, и личным секретарем Л. Соранцо, посла Венеции в Константинополе; в 1703 г. ездил в Вену к императору с миссией от Д. К. Кантемира (биографические данные приводятся по С. Салавиллю [Салавилль 1929]). Заметим, что сама фигура Ильи Миниата крайне показательна для культурного пограничья: православный клирик, он вступает в постоянные контакты с представителями других конфессий, служит у них, выполняет дипломатические миссии. Характерна и тематика его сочинений; так, трактат «Камень соблазна...»²⁵ посвящен причинам раскола между западной и восточной церквями.

Творчество Ильи Миниата вполне могло вызывать интерес у просвещенных дипломатов или близких к этому кругу людей. Проповедник сосредотачивал внимание на проблематике, вызывав-

²⁴ О существовании и популярности видного деятеля греческой церкви мог упоминать Савва Владиславич-Рагузинский или кто-то из его окружения, живший некоторое время в Венеции и соприкасавшийся там с образованными греками; с другой стороны, о Илье Миниае должен был знать А. Д. Кантемир (см. ниже). Наконец, Писарев, будучи переводчиком с греческого, мог и сам встретить это имя в каких-либо греческих текстах; ему в руки могло попасть и само издание проповедей Ильи Миниата (1727, менее вероятно — 1738 г.), бывшее в 30-е гг. книжной новинкой. Любые предположения на этот счет до сих пор остаются гадательными.

²⁵ Ср.: Πέτρα σκανδάλου, ἤτοι διασάφησις τῆς ἀρχῆς καὶ αἰτίας τοῦ σχίσματος τῶν δύο ἐκκλησιῶν ἀνατολικῆς καὶ δυτικῆς μετὰ τῶν πέντε διαφορουσῶν διαφορῶν, συντεθεισα ὑπὸ τοῦ θεοφιλεστάτου Κερνίκης καὶ Καλαβρύτων ἐν Πελοποννήσῳ ἐπισκόπου Ἡλίου Μινιάτη τοῦ Κεφαλληνέως, καὶ παρὰ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἐκδοθεῖσα. Ἐν Λειψίᾳ, 1718, ἐν τῇ τυπογραφίᾳ τοῦ Βρεϊτκόφφ (см. № 290 [Легран / Перно 1910 I: 86]). Впоследствии трактат неоднократно переиздавался (см. например № 328 и № 374 [Легран / Перно 1910 I: 99, 115]).

Заметим, что в 1752 г. в Бреславле (Вроцлав) был издан перевод трактата на латинский язык вместе с греческим оригиналом. Двухязычное издание «Камня соблазна...» было подготовлено Г. В. Козицким и Н. Н. Мотонисом и посвящено Варлааму Лашевскому. См.: Πέτρα σκανδάλου, ἤτοι διασάφησις τῆς ἀρχῆς καὶ αἰτίας τοῦ σχίσματος τῶν δύο ἐκκλησιῶν ἀνατολικῆς καὶ δυτικῆς, μετὰ τῶν πέντε διαφορουσῶν διαφορῶν, συντε-

шей пристальный интерес европеизированной, урбанизированной, и в то же время благочестивой публики. Для этих людей, служащих новому, послепетровскому государству, особенно остро вставали проблемы личного поведения, проблемы дискурсивной техники осмысления своих поступков²⁶. Это приводило их к католическим, а спустя поколение — к масонским практикам. В проповедях греческого епископа они, по мысли Писарева, должны были обнаружить:

доводы, касающіяся единственно до привлеченія челоѡка къ осмотренію совѣсти своей, къ напamятованію страха Божія, къ раскаянію въ порокахъ и страстяхъ и къ начатію шествованія по стезѣ добродѣтелей, на путь спасенія приводящей [Илья Минятей 1759 I: предисл., л. 1].

В этом кругу мог вызывать интерес и трактат «Камень соблазна...»: сочинения, посвященные подробному разбору разногласий между западной и восточной церковью, были очень популярны среди просвещенных дипломатов.

Весьма показательно, что Писарев помещает свой труд в контекст новой переводческой культуры, возникшей после Петровских реформ. В первом издании, в посвящении императрице, он указывает, что переводимые им поучения уже широко известны «въ другихъ Европейскихъ Государствахъ», а в предисловии подчеркивает:

Между прочими по нынѣ здѣсь изданными, и съ другихъ языковъ на Россійскій Діалектъ переведенными книгами уповаю, что и сіи мною пе-

θεισα μὲν καὶ ἐκδοθεισα ὑπὸ τοῦ ποτὲ θεοφιλεστάτου Κερνίκης καὶ Καλαβρίτων ἐν Πελοποννήσῳ ἐπισκόπου Ἡλίου Μηνιάτη τοῦ Κεφαληνιέως, μεταγλωττισθεισα δὲ λατινιστὶ παρὰ Νικολάου Μοθῶνες καὶ Γρηγορίου Κοζιτζκι, καὶ τυπωθεισα δαπάνῃ Ἰωάννου Ἰακώβου Κορνίου βιβλιοπώλου τοῦ ἐν Οὐρατισλαυίᾳ, ἔτει Χριστοῦ αψνβ'. Lapis Offendiculi, sive expositio originis et caussae discidii duar. orient. scilicet et occident. ecclesiarum, cum quinque controversiis composita atque in lucem publicam edita ab Helia Meniata Cephaleniensi, Dei amantissimo episcopo olim Cernices et Calabritorum in Peloponneso, in latinum autem sermonem conversa a Nicolao Mothonis et Gregorio Kositzki, et excusa sumptibus Ioannis Iacobi Kornii, bibliopolae Vratislaviensis, anno a Christo nato MDCCLII (№ 345 [Легран / Перно 1910 I: 105]). Этот перевод свидетельствует об интересе к наследию Ильи Миниата со стороны филологов — выходцев из Киево-Могилянской академии, впоследствии известных российских литераторов. Писаревым же перевод был выполнен в 1744 г. (на 8 лет раньше).

²⁶ Характеристику проповеднической топики и аргументации Ильи Миниата см.: [Кагарлицкий 2000: 299—309].

реведенныя Проповѣди не непріятными, но толь паче усладительными, и каждому наиполезнѣйшими показаться могутъ... [Илья Минятій 1759 I: предисл., л. 1].

Впоследствии, рассказывая о постепенном распространении и высокой оценке его труда, Писарев следующим образом характеризует общественную реакцию на издание проповедей Миниата:

...ссылаяся отъ моей стороны на толь многихъ, да еще и знаменитых въ обществѣ Лиць, кои его Проповѣдми пользуются, и кои сладчайшее его въ нихъ нравоученіе много почитая, достойную ему хвалу вездѣ приписуютъ: особливо же, что нѣкоторые изъ Преосвященныхъ Архіереевъ присланными ко мнѣ своими письмами тоже засвидѣтельствуя, весьма нужно въ Семинаріяхъ у себя для обученія ту книгу имѣть признали; такъ что на конецъ и самое Главное Духовенство, то есть Святѣйшій Правительствующій Синодъ, неоспоримую въ тѣхъ Проповѣдяхъ полезность усмотря, и мой въ ихъ переводѣ съ Греческаго языка трудъ, съ выгодностію отъ онаго, уважая; послѣ уже и отъ себя въ народъ оныя вторымъ тисненіемъ испустить не оставилъ [Илья Минятій 1773: предисл., л. 1].

Для переводчика явно очень важна эта последовательность: сначала перевод пользуется успехом у публики, причем у публики элитарной, затем отдельные архиереи начинают использовать его в педагогических целях, и наконец, высший духовный авторитет — Святейший Синод — признает «Поучения...» достойными переиздания под своей собственной эгидой. Для Писарева предметом гордости является то, что он познакомил публику с полезными сочинениями, отвечающими ее духовным потребностям. Признание клерикальных кругов, а затем и официального духовного начальства является для него лишь дополнительным (и независимым) свидетельством ценности его труда.

Мы столь подробно анализируем культурный контекст писаревского труда, потому что без него было бы трудно оценить подтекст разбираемого нами полемического выпада.

Итак, переводчик рассматривает в качестве потенциального читателя «Поучений...» благочестивого дворянина, нуждающегося в благочестивом чтении, которое бы отвечало и его духовным потребностям, и его читательским вкусам. По-видимому, расчет был верен: перевод расходился в списках задолго до появления печатного издания. Вполне возможно, что «Поучения...» Ильи Миниата оказали прямое влияние на проповедническую практику крупнейшего духов-

ного оратора 50-х гг. XVIII в. Гедеона Криновского [Евгений Боловитинов 1995: 63; Челлберг 1957: 43—47; Кагарлицкий 2000].

В обозначенной нами культурной перспективе кажется естественным стремление Писарева предложить читателю душеполезное сочинение, написанное на языке светской словесности. Для переводчика весьма важна и многозначительна характеристика, данная его переводу Арсением Могилянским в личном письме:

Сообщенныя мнѣ отъ васъ въ двухъ Томахъ Миняїевы Проповѣди получили я со многими удовольствіемъ. Первое потому, что въ переводѣ оныхъ показали Вы немалую силу существенныхъ красоть Россійскаго языка [Илья Миняитий 1773: предисл., л. 3].

С. И. Николаев считает возможным говорить о том, что Писарев «принципиально пользовался рус., а не церковнослав. языком» [Николаев 1999: 438]. Нам представляется, что идея универсальности русского языка («чистого Российского», «общего нашего языка российского») и его пригодности для любых текстов, в том числе текстов духовного содержания, наполнялась для переводчика конкретным социолингвистическим содержанием: он выстраивал концепцию светского, образованного, европеизированного читателя, нуждающегося в душеполезной литературе, которая стояла бы в одном ряду не с церковными сочинениями, а с явлениями новой, секулярной словесной культуры²⁷.

Нам уже приходилось отмечать, что читательское восприятие весьма чувствительно к синтаксическим характеристикам текста [Кагарлицкий, Литвина 1999]. Специфика синтаксиса состоит, с одной стороны, в слабой кодифицируемости, с другой — в мгновенной и легкой опознаваемости для читателя. К концу 50-х гг. XVIII в. *кой*-формы уже были кодифицированы создателями русского литературного языка нового типа. Однако придаточные определительные с этими формами были еще сравнительно новым явлением, приметой словесной культуры последних десятилетий. Не исключено, что и Писарев столь охотно использует *кой*-конструкции, именно стремясь придать тексту легко опознаваемые черты нового синтаксиса. Возможно также, что именно чрезмерное количество *кой*-конструкций в тексте вызвало у синодального справщика неудоволь-

²⁷ Заметим, что Св. Синод продемонстрировал понимание поставленной переводчиком задачи, разрешив печатать «Поучения...» гражданским шрифтом. В конце 50-х гг. XVIII в. книги гражданской печати адресовались преимущественно социальной элите. Большинство же грамотного населения, по всей вероятности, просто не владело гражданской азбукой [Маркер 1994: 14].

стве и желание уменьшить их число (напомним, что правятся им далеко не все *кой*-формы).

Переводчик же (к этому времени измотанный постоянными препонами и придирками «Зоилов») воспринял правку, скорее всего, как попытку спародировать стиль перевода, — и прежде всего, синтаксис. Вероятно, он усмотрел в этой правке проявление своеобразной социолингвистической фобии: представители духовенства как будто видели в нем чужака, представителя другой корпорации, носителя другой речевой маски. Это, как можно думать, и вызвало его раздражение.

Опубликованные источники и литература

- Барсов 1901 — *Барсов Т. В.* О духовной цензуре в России. VI—VIII // Христианское Чтение. 1901. Т. ССXI. Вып. 6. Июнь. С. 966—998.
- Барсов/Успенский 1981 — «Российская грамматика» А. А. Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981.
- Буш 1915 — *Буш В. В.* «Житие Петра Великого» Стефана Писарева. Пг., 1915.
- Вьюкова 1958 — *Вьюкова М. Н.* Относительные предложения с союзными словами «кой», «какой» и др. в русском литературном языке XVIII в. // Ученые записки ТГПУ. Т. XVII. Томск, 1958. С. 158—175.
- Евгений Болховитинов 1995 — *Митрополит Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. М., 1995.
- Екатерина—Потемкин 1997 — Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка 1769—1791 / Изд. подг. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997.
- Живов 1996 — *В. М. Живов*. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Зализняк, Падучева 1979 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* Синтаксические свойства местоимения к о т о р ы й // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. V. М., 1979. С. 289—329.
- Замкова 1975 — *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, 1975.
- Зорин 1997 — *Зорин А. Л.* Русская ода конца 1760-х — начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // Новое Литературное Обозрение. 1997. № 24. С. 5—29.
- Илья Минятей 1759 I — Поученія во святую и великую четыредесятницу, То-есть Велико-постныя недѣли. Сочиненныя и проповѣданныя Кернїкскимъ и Калаврїтскимъ что в Пелопоннисѣ епископомъ *Илією Минятейемъ*, Кефалонитяниномъ. Съ Греческаго, на Россійскій Языкъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Переводчикомъ [что нынѣ тояжь Коллегіи Секретарь] Стефаномъ Писаревымъ Въ 1741. Году переведенныя. Томъ I. Въ Санктпетербургѣ. При сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1759.
- Илья Минятей 1760 II — Поученія во святую и великую четыредесятницу, То-есть Велико-постныя недѣли. Сочиненныя и проповѣданныя Кернїкскимъ и Калаврїтскимъ что в Пелопоннисѣ епископомъ *Илією Минятейемъ*,

- Кефалонитяниномъ... Томъ II. Въ Санктпетербургѣ. При сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1760.
- Илья Минятей 1765 I — Поученія во святую и великую четыредесятиницу, То-есть Велико-постныя недѣли. Сочиненныя, и проповѣданныя Кернѣйскимъ и Калаврѣтскимъ (что в Пелопоннискѣ) епископомъ *Илією Минятейемъ*, Кефалонитяниномъ. Съ Греческаго, на Россійскій Языкъ переведенныя. Томъ I. Напечатаны въ Санктъ Петербургѣ. При Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ. 1765 года.
- Илья Минятей 1765 II — Поученія во святую и великую четыредесятиницу, То-есть Велико-постныя недѣли. Сочиненныя, и проповѣданныя Кернѣйскимъ и Калаврѣтскимъ (что в Пелопоннискѣ) епископомъ *Илією Минятейемъ*, Кефалонитяниномъ. Съ Греческаго, на Россійскій Языкъ переведенныя. Томъ II. Напечатаны въ Санктъ Петербургѣ. При Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ. 1765 года.
- Илья Минятей 1773 — Два слова поучительныя и четыре рѣчи похвальныя, сочиненныя и говоренныя на Италіанскомъ языкѣ греческимъ епископомъ *Илією Минятейемъ* Уроженцемъ Кефалонскимъ. Переведенныя на Россійскій діалектъ статскимъ совѣтникомъ С. Писаревымъ. В Санктъ-Петербурге при Императорской Академіи Наук. 1773.
- Кагарлицкий, Литвина 1999 — *Кагарлицкий Ю. В., Литвина А. Ф.* По ту сторону грамматики: Нормы словорасположения в период формирования литературного языка нового типа // Эволюция грамматической мысли славян. XIV—XVIII вв. М., 1999. С. 140—151.
- Кагарлицкий 2000 — *Кагарлицкий Ю. В.* Риторические стратегии в русской проповеди Елизаветинской эпохи: Случай Гедеона Криновского // *Annali dell'Instituto universitario Orientale di Napoli. Slavistica*, 5, 1997—1998. Napoli, 2000. С. 287—317.
- Лавров 2000 — *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700—1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000.
- Легран/Перно 1910 I—II — *Bibliographie ionienne. Description raisonnée des ouvrages publiés par les Grecs des Sept-Îles ou concernant ces îles du quinzième siècle à l'année 1900 par Emile Legrand.* Œuvre posthume complétée et publiée par *Hubert Pernot*. I—II. Paris, 1910.
- Литвина 1999 — *Литвина А. Ф.* К вопросу о синтаксисе текстов на «простом» языке начала XVIII века // *Russian Linguistics*, 23, 1999. С. 123—136.
- Ломоносов 1755 — Россійская грамматика *Михайла Ломоносова*. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1775 года.
- Максимов 1723 — [*Федор Максимов.*] *Грамматика славенская въ кратцѣхъ собранная въ Грекославенской школѣ іаже въ Великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архіерейском...* СПб., 1723.
- Маркер 1994 — *Marker G.* Faith and Secularity in Eighteenth-Century Russian Literacy, 1700—1775 // *Christianity and the Eastern Slavs*. Vol. II. Russian Culture in Modern Times. Ed. by R. P. Hughes and I. Paperno. Berkeley, Los-Angeles, London, 1994. P. 3—24.
- Николаев 1999 — *Николаев С. И.* Писарев Стефан (Степан) Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. К—П. СПб.: Наука, 1999. С. 437—438.
- ПМДП XVIII — Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подг. А. И. Сумкина. Ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1981.
- Поликарпов 1704 — [*Федор Поликарпов.*] *Лезіконъ трезычныхъ сирѣчь Реченій славенскихъ, ѣллиногреческихъ и латинскихъ сокровище Изъ различныхъ*

- дрѣвнихъ ѿ новыхъ книгъ собраное ꙗко по славѣнскому алфавѣиту въ чинъ разположеное... М., 1704.
- Поликарпов/Бабаева 2000 — Федор Поликарпов. **Технологія**. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Э. Бабаевой. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000.
- Поспелов 1964 — *Поспелов Н. С.* Развитие предложений «одночленной» структуры // Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века / Ред. В. В. Виноградов и Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1964.
- Ржевский 1991 — *Ржевский А. А.* Подложный Смердий // Русская литература — век XVIII. Трагедия. М.: Художественная литература, 1991. С. 215–267.
- Салавиль 1929 — *Salaville S.* Miniatis // Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique, leurs preuves et leur histoire. V. 10. Pt. 2. P., 1929. 1769–1773.
- САР1 I–VI — *Словарь Академіи Россійской*. Ч. I–VI. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1789–1794.
- САР2 I–VI — *Словарь Академіи Россійской*, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1806–1822.
- Смотрицкий 1721 — [*Мелетий Смотрицкий*.] **Грамматика**. М., 1721.
- Сорокин 1976 — *Сорокин Ю. С.* Стилистическая теория и речевая практика молодого Третьяковского (перевод романа П. Тальмана «Езда в остров любви») // Венок Третьяковскому. Волгоград, 1976. С. 45–54.
- Сорокин 1982 — *Сорокин Ю. С.* У истоков литературного языка нового типа. (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 52–82.
- СРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1980.
- Стеценко 1958 — *Стеценко А. Н.* Определительные придаточные предложения в древнерусском языке (По данным памятников русской письменности XIV–XVI вв.) // Ученые записки ТГПУ. Т. XVII. Томск, 1958. С. 176–201.
- СЯП I–IV — *Словарь языка Пушкина*. Т. I–IV / Ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.
- Успенский 1976 — *Успенский Б. А.* Третьяковский и история русского литературного языка // Венок Третьяковскому. Волгоград, 1976. С. 40–45.
- Успенский 1983 — *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
- Успенский 1988 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Budapest, 1988.
- Успенский, Шишкин 1990 — *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Третьяковский и янсенисты // Символ. 23 (июнь 1990). С. 106–203.
- Хютль-Фолтер 1996 — *Hüttl-Folter G.* Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache: Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien–Köln–Weimar: Böhlau Verlag, 1996.
- Челлберг 1957 — *Kjellberg L.* La langue de Gedeon Krinovskij, prédicateur russe du XVIIIe siècle. I. Uppsala, 1957.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.